

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ «ЛИСТЬЕВ ТРАВЫ»

Америка не отрекается от прошлого, от того, что было создано в прошлом и отлилось в присущие прошлому формы, не пренебрегает чужими ей политическими доктринами, идеей сословности или верованиями прежних эпох — она спокойно извлекает для себя из них урок: вопреки распространенному взгляду она не настолько нетерпелива, чтобы ее мнения, обычаи, литература были по-прежнему отмечены депрессией, в то время как жизнь, удовлетворившая собственные свои потребности, стала уже новой жизнью, приняла новые формы, — она сознает, что из столовой, из спален ее дома уже выносят труп, — сознает, что в дверях чуть замешкались, — сознает, что то, что лежит в гробу, было лучшим из возможного для своей эпохи, — что осуществленное в прошлом передается идущему за гробом потомку — крепышу и красавцу — и что он будет лучшим из возможного для своего времени.

Американцы всех эпох и со всей Земли, наверное, обладали наиболее поэтической натурой. По сути своей сами Соединенные Штаты — величайшая из поэм. Самое могучее, самое мятежное, что можно отыскать во всемирной истории вплоть до наших дней, кажется тихим и благонравным рядом с их могуществом, их мятежностью. Вот наконец земля, где деяния человеческие в чем-то согласуются со всеобъемлющими деяниями дня и ночи. Вот народ, который не просто нация, но воплотившая в себе весь мир нация наций. Вот пример действия, свободного от ограничений, сковывающих, не принимающих во внимание тех восхитительных особенностей и своеобразных черточек, которых мы повсюду встречаем великое множество. Вот пример открытой души, которая всегда будет создавать героев. Вот суровая простота, дикость, простор, неупорядоченность, беспечность, что так любезны душе. Вот несравненное презрение к заурядному, и восхитительная отвага огромных масс людей, и полет к скрывающей-

ся в будущем цели — неостановимый и могучий, — и изобилие, щедрость, льющиеся рекой. И понимаешь, что нам действительно должны принадлежать все богатства лета и зимы и что разорение не грозит нам, пока земля родит пшеницу, пока с яблонь сыплются плоды, пока в заливах кишит рыба, пока женщины зачинают детей.

Другие государства проявляют свое лицо в законодателях — но гений Соединенных Штатов отнюдь не выразился во всей полноте в сильных мира сего, как не выразился он и в американских дипломатах, или литераторах, или в колледжах, церквях, гостиницах, или даже в газетах, или изобретениях... Нет, он всегда более всего выражался в простом народе. Свойственная простым американцам манера говорить, одеваться, завязывать дружбу — свежесть их лиц, написанное на них простодушие — столь привлекательная естественность их поведения — их вековая преданность свободе — их отвращение ко всему бестактному, как к поверхностному, так и низкому — осуществленное на деле признание прав граждан одного штата гражданами всех других штатов — искренность негодования, когда оно в них пробуждается, — их интерес ко всему новому и желание способствовать ему — их чувство собственного достоинства и поразительное сочувствие другим — ранимость, когда их третируют, — самый их вид людей, которые отродясь не знали, что это значит вытягиваться по струнке перед высшей властью, — живость их речи — их преклонение перед музыкой, верный признак мужественной нежности и врожденной утонченности души, — их мягкий нрав и душевная щедрость — смертельная важность выборов в их стране — и то, что не они снимают шляпу перед президентом, а президент перед ними, — ведь все это поэзия, хотя и без рифм. И она ждет великого, щедрого творца, который придаст ей достойную форму.

Величие природы или нации выглядело бы чудовищно, если бы ему не соответствовали величие и щедрость духа граждан. Ни родина, ни изобилующие жизнью штаты и городские улицы, ни пароходы, ни цветущие предприятия и фермы, ни состояние, ни ученость не заменят идеального человека — как не заменят и поэта. Не заменят их и никакие воспоминания о днях минувших. Живущий живой жизнью народ всегда может проложить глубокую борозду и найти высший авторитет самым необременительным путем — иными словами, найти его в своей душе. Вот к ка-

кому итогу приводит разумное использование отдельных людей и штатов, и наших теперешних великих стремлений, и действий, и поэтических тем. Точно было необходимо отступать назад, эпоха за эпохой, к восточным хроникам! Точно красота и священное величие зримого должны отступать на второй план перед красотой и величием мистического! Точно люди не прокладывают своей борозды в любую эпоху! Точно открытие на западе материка и все, что с тех пор произошло в Северной и Южной Америках, имело меньшее значение, чем крохотный мирок Античности или бесцельное лунатическое блуждание Средневековья! Гордость побуждает Соединенные Штаты отказаться от роскоши и утонченности городской жизни, от всех доходов, приносимых промышленностью и сельским хозяйством, от всего величия, создаваемого пространством, от всех знаков внешнего торжества, чтобы создать породу полноценно развившихся людей или одного полноценно развившегося человека — непобедимого и простого.

Призвание американских поэтов — соединить старое и новое, ибо американцы — это народ народов. И их бард должен быть достоин своего народа. Другие материки устремлены к нему и просят, чтобы он нашел им применение, — и он принимает их для их собственного и для своего блага. Его дух отвечает духу его страны — он воплощает ее просторы, ее природу, реки, озера. Миссисипи с ее крутыми стремнинами и паводком каждый год, Миссури, Колумбия, Огайо, река Св. Лаврентия с их порогами, прекрасный мужественный Гудзон в самых быстрых местах не пенятся так сильно, как в его душе. Голубые просторы озер в Виргинии и Мэриленде, и озер, по берегам которых раскинулись Массачусетс и Мэн, и залива Манхэттен, и озер Чемплейн, Эри, Онтарио, Гурон, Мичиган, Верхнее, и морей, омывающих берега Техаса, Мексики, Флориды, Кубы, и океана, подступающего к Калифорнии и Орегону, приобретают свою голубизну от бездонных глубин; но просторы и глубины, сокрытые в нем, еще голубее, еще бездоннее. Когда длинный Атлантический берег вытягивается еще больше и когда еще больше вытягивается длинный берег Тихого океана, бард без труда вытягивается вместе с ними к северу или к югу. И, кроме того, он раскачивается от океана до океана, от востока к западу, и в нем отражается все, что между ними пролегло. Из его тела поднимаются могучие леса, и они сливаются с порослями сосны, и кедра, и тсуги, и виргинского дуба, и белой акации,

и каштана, и кипариса, и пекана, и липы, и суменицы, и аризонского тополя, и кактуса, и тюльпанного дерева, и тамаринда, и персиммона. И эти леса непроходимы, как заросли тростника или топи, — и окутаны прозрачным льдом, а сосульки свисают с ветвей и разбиваются на ветру, — над лесом поднимаются горные цепи и пики, — рядом с ними протянулись пастбища, обильные и просторные, как саванна, как предгорья и прерия, — и раздаются над ними крики и песни, перекликающиеся с голосами диких голубей, золотистых дятлов, скворцов, лысух, уток, ястребов, трупялов, караваек, крохалей, перепелятников, водяных фазанов, поморников, пестрых селезней, мексиканских ибисов, полынных тетерок, сычей, трехперсток, черных дроздов, пересмешников, канюков, кондоров, ночных цапель и орлов. Ему передается по наследству выражение лица и отца и матери. В него входят своей сущностью реальные вещи, события прошлого и настоящего — и бесконечное разнообразие климатов, продуктов земледелия, минералов — и племена краснокожих туземцев — и потрепанные штормом корабли, загнанные непогодой в порт не по назначению или выбросившиеся на скалы, — и первые поселения на севере и на юге — и быстро крепнущие мускулы и осанка — и великий вызов, брошенный в 76-м, — и война, и мир, и принятие конституции — и союз, вечно осыпaeмый хулой и вздором и всегда остающийся спокойным и непоколебимым, — и непрерывный поток иммигрантов — и города, выросшие из причалов, и блестящий флот — и необмеренные пространства за побережьем — и бревенчатые дома, вырубки, дикие звери, охотники, следопыты — свободная торговля, рыбные заводы, китобойный промысел, поиски золота — возникновение все новых и новых штатов, которым нет конца, — заседания конгресса каждый год в декабре, когда депутаты неизменно оказываются на своих местах, из каких бы широт, из каких бы дальних уголков им ни приходилось добираться, — и благородный характер нашей юной индустрии и всех свободных работающих американских мужчин и женщин — и всеобщее воодушевление, дружелюбие, предприимчивость — совершенное равенство мужчин и женщин — любовь всех ко всем — вечное передвижение населения — фабрики, торговля, машины, сберегающие труд, — коловращение в мире янки — нью-йоркские пожарные и экскурсии к знаменитым местам — жизнь на плантации, на Юге — своеобразие северо-востока, и северо-запада, и юго-запа-

да — рабство и боязливость тех, кто стоит за его сохранение, и решимость вознамерившихся положить ему конец, тех, кто не успокоится, пока оно не исчезнет, не успокоится, пока не откажет голос и не перестанут двигаться губы. И для всего этого необходимо, чтобы речь американского поэта была всеобъемлющей и ни на чью не похожей. Она должна быть косвенной, а не прямой, так же как не описательной и не эпической. Все это свойственно ей, но она устремлена к гораздо большему. Пусть другие народы воспевают свою эпоху и войны, которые они ведут, пусть у них стих будет содержать только описание их века и характеров. Но это — не для великих гимнов республике. Здесь сама тема побуждает к творчеству и распахивает горизонты. Здесь из числа замечательных каменщиков является один, который рассчитывает точно и по науке и видит законченные прекрасные формы будущего там, где сейчас нет законченных форм.

Из всех держав Соединенные Штаты, по чьим венам струится поэзия, больше всех других нуждаются в поэтах, и, несомненно, у них будут самые лучшие поэты, которым они найдут самое лучшее применение. В этой стране президенты в меньшей степени будут для всех высшими судьями, чем поэты.

Из всех людей на земле самый уравновешенный человек — великий поэт. Гротескно, причудливо, лишено здравого смысла не то, что в нем, а то, что не соприкасается с ним. Ничто нельзя признать хорошим, если оно не обрело своего места, и ничто, нашедшее свое место, не может быть признано плохим. Каждой вещи, каждому качеству поэт придает нужные пропорции — не больше и не меньше. Он — вершитель многообразия, и он же ключ к нему. Он вносит уравновешенность в свой век, в свою страну — он составляет то, что должно быть поставлено, и устраняет то, что необходимо устранить. Если установился мир, его устами будет говорить дух мира, необъятного, богатого, цветущего, воздвигающего огромные многонаселенные города, поощряющего земледелие, искусства, ремесла, — озаряющего устремления человека к знанию, к духовности, к бессмертию, — дух федерального, муниципального, национального управления, брака, здоровья, свободной торговли, путешествий морем и сушей, — и ничто не покажется слишком близким, ничто слишком далеким — и сами звезды не так далеки. Если разразится война, он будет ее самым неукротимым поборником. Взявший его на военную службу берет сразу

и пешего и конного. Он приведет с собой такие артиллерийские полки, о которых военный инженер может только мечтать. Если начинается застой и гниение, он знает, как внести живительную струю. Он может сделать так, что каждое его слово своим действием будет подобно кровопусканию. Дух гниения может коснуться обычаев, общественной дисциплины, законодательства, но его он не коснется никогда. Общественная дисциплина не подчиняет его себе, это он ее себе подчиняет. Высоко, вне пределов достижимости стоит он, направляя вниз мощный поток света, — своим прикосновением он поворачивает стержень, — стоя на месте, он не дает приблизиться к себе самым быстрым бегунам, а затем поджидает их и уходит далеко вперед. Когда все вокруг устремляется к жизни, лишенной веры, к внешнему изяществу и легковесному остроумию, он удерживается от таких соблазнов благодаря своей твердой вере, — он предлагает всем свои кушанья, — он угощает сочным, крепким мясом, питаясь которым вырастают мужчины и женщины. Его ум — высший ум. Он не может спорить, — он воплощает справедливое суждение. И судит он не так, как судит судья, но так, как луч солнца, упавший на беспомощное создание. Он видит дальше всех, и поэтому веры у него больше, чем у кого-либо. Слова его — гимны во славу вещей. Когда люди, не равные ему, говорят о душе, вечности, Боге, он молчит. Вечность для него — не пьеса с прологом и развязкой — он прозревает вечность в мужчинах и женщинах — он не воспринимает мужчин и женщин ни как грезу, ни как ничего не означающие объекты. Вера — лекарство от заражения души — она поселяется в душах простых людей и оберегает их — они никогда не перестают верить, ждать, надеяться. В людях непросвещенных есть не поддающаяся выражению свежесть и неосознанность, которая побивает и делает ничтожным самый высокий дар выражения. Поэт видит и совершенно точно знает, что человек, не принадлежащий к числу великих художников, может быть столь же священным, столь же совершенным, как величайший из них, — он широко использует свою способность разрушать и пересоздавать, но никогда — способность нападать. То, что прошло, уже прошло. Если он не явит высшие образцы, если он каждым своим действием не докажет, что он поэт, он не то, что нужно. Покоряет само присутствие величайшего поэта — не изысканная беседа, не борьба, не любое его предварительно обдуманное действие. Теперь, когда он прошел

таким путем, смотрите вслед ему! Не осталось и следа отчаяния, мизантропии, коварства, замкнутости в своем кругу, как и несправедливости из-за происхождения или цвета кожи, как и заблуждения насчет ада или его необходимости, — и отныне ни один человек не подвергнется гонениям за свое неведение, слабость, грех.

Величайшему поэту едва ведомы мелочность и тривиальность. Когда его дыхание касается любой вещи, считавшейся дотоле незначительной, она приобретает возвышенный смысл и наполняется жизнью Вселенной. Он пророк — он личность — он совершенен внутри самого себя — другие столь же совершенны, как и он, только он это видит, а они нет. Он не хорист среди многих таких же — он не останавливается, подчиняясь каким бы то ни было правилам, — ему дана высшая власть устанавливать правила своей рукою. Для других он делает то же, что их зрение. Кому ведома удивительная тайна зрения? Прочие органы чувств ищут оправдания себе, но у зрения нет иных прав, кроме только ему принадлежащих, и оно предвещает аналогии в духовном мире. Единственный взгляд делает ничтожными все научные исследования, все существующие на земле инструменты и книги, все рассудочные выкладки. Что чудодейственно? Что несхоже? Что невозможно, или необоснованно, или смутно? — спрашиваете себя, если однажды разрежешь персик и взглядишься в далекое и близкое, в закат, во все то, что проникло в этот кусочек пространства, стремительно, как молния, неуловимо, с необходимостью, не создавая паники, толчеи, давки.

Земля и море, животные, рыбы и птицы, простор неба и его светила, леса, горы, реки — темы не мелкие, — но от поэта ждут, чтобы он сделал нечто большее, чем просто указал на красоту и достоинство, всегда отличающие создания неживой природы, — от него ждут, чтобы он указал путь от реального к душе. Мужчины и женщины видят красоту достаточно отчетливо — может быть, столь же отчетливо, как и он. Пыл и отвага охотников, лесорубов, тех, кто встает до солнца, кто обрабатывает огороды, сады, поля, любовь здоровых женщин к мужественности во внешнем облике, тяга к морским скитаниям, к объезде лошадей, к свету, открытому воздуху — все это издавна сохраняющиеся и только меняющиеся свидетельства, что люди, которые живут на природе, обладают безошибочным чувством красоты и поэтическим импульсом. Поэты никогда не смогут помочь им различить красо-

ту — есть поэты, которым это по силам, но сделать этого они не смогут. Поэтическое обитает не в рифмах, не в единообразии, не в абстрактных восхвалениях того или иного, не в меланхолических жалобах, не в надежных канонах, но в самой жизни таких и многих других людей, оно в душе. Польза рифмы в том, что она зароняет семена более тонкой, более роскошной рифмы, а единообразия — в том, что оно передается и собственным его корням, скрытым от глаз под землей. В совершенном стихотворении рифма и единообразие демонстрируют свободное развитие законов метрики, и сами пускают от их ствола побеги столь же безошибочно и свободно, как лилии или розы от своего куста, они принимают формы такие же уплотненные, как форма каштана, виноградной кисти, дыни, груши, распространяют аромат, неосязаемый в самой форме. Свобода и изысканность наиболее тонких стихотворений, как и образцов музыки, декламации, ораторского искусства, не являются самостоятельными; они зависимы. Красота вся порождается прекрасной кровью и прекрасным умом. Если в женщине или мужчине проявления величия сочетаются, этого достаточно — такое сочетание будет преобладать во всей Вселенной, — но даже если собрать всю мишуру и позолоту за миллион лет, они не добьются в ней преобладания. Тот, кто обременяет себя заботами об изысканности и живости, погиб. Вот что нужно делать: любить землю, и солнце, и животных, презирать богатство и не отказывать в подаянии ни одному просящему, защищать слабых умом и больных душой, отдавать другим свой труд и свои доходы, ненавидеть тиранов, не вступать в спор относительно Всевышнего, воспринимать людей терпимо и доброжелательно, не снимать шляпы ни перед кем известным или неизвестным, ни перед одним человеком, ни перед какой группой людей, идти свободно вместе с могучими непросвещенными людьми, вместе с молодыми, вместе с матерями, читать мои «Листья» на открытом воздухе в любое время года и все время, пока живешь, пересмотреть все, чему учили школа, церковь или любая книга, избавиться от всего, что оскорбляет душу. И тогда сама плоть твоя станет великой поэмой, и необыкновенной живостью будут отмечены не только ее слова, но и молчащие строки ее губ, и лица, и того, что между веками, и каждого движения, и каждого сустава твоего тела. — Поэт не должен тратить время на ненужную работу. Он обязан знать, что почва всегда готова, вспахана и удоб-

рена — другие могут не понимать этого, но он обязан. Он начнет сразу с творения. Его вера подчинит себе веру всего, к чему он прикоснется, — подчинит себе всю преданность.

У известной нам Вселенной лишь один непогрешимый возлюбленный — и это великий поэт. Он вбирает в себя непреходящую страсть, и ему безразличны повороты судьбы, удачные и неудачные стечения обстоятельств; день изо дня и час за часом он взимает свою восхитительную подать. То, перед чем другие отступают или надламываются, для него служит новым побуждением, разжигающим его порывы к близости и радостной любви. Наслаждение, ведомое другим, ничтожно рядом с его наслаждением. Все, что таится в вышних пределах, открывается ему, когда он созерцает рассвет, или лес зимой, или играющих детей, или мужчин и женщин, которым он кладет руку на плечо. Его любовь своей нескованностью и размахом превосходит всякую иную любовь — он оставляет для нее простор впереди себя. Он не похож на нерешительного, полного подозрений влюбленного — он уверен в себе — он презирает передышки. Его опыт, его страстные переживания и потрясения — не звук пустой. Его ничто не в силах поколебать — ни страдание, ни мрак, ни смерть, ни страх. Сетование на судьбу, ревность, зависть — для него трупы, зарытые в землю и разлагающиеся в ней, — он сам присутствовал на их похоронах. Море не настолько уверено в том, что встретится с берегом, а берег — в том, что встретится с морем, как он — в том, что его любовь будет цвести, в том, что он увидит совершенство и красоту.

Цветение красоты не зависит от прихотей судьбы — оно неизбежно, как сама жизнь, — это так же несомненно и точно, как действие законов земного притяжения. Однажды увиденное порождает новое прозрение, и услышанное кем-то передается кому-то другому, и голос присоединяется к иным голосам — для того чтобы вечно не угасало стремление познать гармонию человека с окружающим нас миром. Этому соответствуют усовершенствования не только тех организаций, которые должны представлять всех, но точно так же и усовершенствования среди этих всех. Закон усовершенствования тем самым охватывает массы, огромные волны людей — и его конечный смысл таков: каждый за самого себя и в то же время выходя за пределы самого себя — этот закон не знает ограничений и пристрастности — нет такого мгновения дня и ночи и такого участка моря или суши, когда и где он был

бы недействен, — как нет и такого состояния неба, такого ремесла, занятия, стечения обстоятельств, которые бы его отменяли. Вот почему должное выражение красоты предполагает точность и размеренность — не следует выдвигать что-то одно выше, чем что-то другое. Лучший певец не тот, чьи голосовые связки особенно крепки и гибки, — самое большое наслаждение доставляют не те стихи, где мы обнаружим наиболее тонкие метрические вариации, сочетания звуков и сравнения.

Не прилагая к тому усилий и меньше всего давая ощутить, как это делается, великий поэт заставляет вас, когда вы читаете или слушаете его творение, в большей или меньшей мере воспринять и перенести на ваш собственный душевный склад все и всяческие события, страсти, происшествия, характеры. Справиться с такой задачей — значит удовлетворить требованиям законов, которые согласуются с самим временем. То, в чем заключается назначение, несомненно, представлено здесь, и ключ к его осуществлению должен быть найден здесь тоже — и самое слабое на него указание — это самое лучшее указание, оно становится самым надежным. Прошлое, настоящее, будущее не разъединены, но соединены. Великий поэт точно угадывает то, что должно быть, по тому, что было и есть. Он вытаскивает из гроба мертвецов и вновь ставит их на ноги — он говорит прошлому: поднимись и пройди передо мною, чтобы я мог тебя понять. Он запоминает полученный урок — он стремится туда, где уже проявляется будущее. Великий поэт не только озаряет своим могучим светом характеры, события, страсти — он в конечном счете все возвышает и всему придает законченность — он открывает вершины, о которых никто не может сказать, для чего они или что скрывается за ними, — он заставляет миг времени воссиять на самом далеком его краю. Больше всего поражает его последняя, наполовину скрытая улыбка удовольствия или морщина раздражения. — Тот, кто уловил это на секунду мелькнувшее в миг прощанья на его челе выражение, будет потом много лет черпать при воспоминании о нем новые силы или испытывать содрогание. Великий поэт чужд нравоучениям, он не утверждает норм морали — он знает душу. А душа наделена той огромной гордостью, которая проявляется в отказе признать какие бы то ни было наставления, кроме своих собственных. Но она наделена и сочувствием, столь же огромным, как и гордость, и одно уравновешивает другое, и ни гордость, ни со-

чувствие не могут быть чрезмерными, пока они идут рука об руку. В их единстве сокрыты самые глубокие тайны искусства. Великий поэт обитает где-то между ними, близко к обоим, и они жизненно важны и для его речи, и для его мыслей.

Искусством искусств, высшим достоинством художественной манеры, солнцем литературы является простота. Нет ничего более достойного, чем простота, — ничто не искупит переизбытка или отсутствия определенности. Возноситься на волне импульсивного побуждения, прозревать духовные глубины, сообщать выражение любому предмету — вот дар, который не назвать ни слишком распространенным, ни чрезвычайно редким. Но высший триумф искусства — быть искусством, сохраняя совершенную естественность и беззаботность, свойственную движениям животных, чистоту чувств, отличающую лесные деревья или траву на обочине. Если вы встретите человека, который добился этого, вы встретите одного из глубочайших художников всех времен и народов. Созерцание полета чайки над бухтой, или грациозных движений чистокровной лошади, или подсолнуха, покачивающегося на высоком стебле, или солнца, клонящегося к закату, или поднимающейся с его последними лучами луны не даст вам удовлетворения большего, чем вид такого человека. Великий поэт в меньшей степени создатель стиля, отмеченного печатью его личности, чем проводник мыслей, выразитель вещей без преувеличений и преуменьшений, канал, по которому свободно течет его собственная сущность. Он дает клятву своему искусству: я не буду назойливым, в моих творениях я не буду стремиться к изяществу или эффектной оригинальности, которая может стать чем-то вроде занавеса, отделяющего меня от других. Я не допущу, чтобы что-то меня от них отделяло, будь это даже самый роскошный занавес. Все, что я говорю, — в точности то, что и есть на самом деле. Пусть те, кто к этому способен, развлекают, поражают, очаровывают, утешают; мое назначение такое же, как назначение здоровья, тепла, снега, и я не озабочусь тем, примут ли это во внимание. Все, что я переживу и выражу, будет идти от моего склада. Но это нигде не проявится открыто. Пусть встанут рядом со мною и вместе со мною смотрят в зеркало.

Древняя, алая кровь и безупречное благородство великих поэтов находят подтверждение в присущей им непринужденности. Человек героический вполне естественно освобождает себя от

тех обычаев, назидательных примеров и авторитетов, которые он не может принять. Самая замечательная черта, характерная для братства писателей, ученых, музыкантов, изобретателей, художников, — их молчаливый вызов общепринятому, к чему побуждают их новые свободные формы. Когда речь идет о поэзии, философии, политике, технике, науке, поведении в обществе, о ремесле, об опере, которая отвечала бы отечественным запросам, об умении строить корабли, о всяком ином умении, всегда был и будет подлинно велик тот, кто дает образец своеобразного практического решения. Самое точное выражение является тогда, когда художник не находит достойной его ни одну уже существующую манеру и создает новую.

Обращаясь ко всем мужчинам и женщинам, великие поэты зовут: идите к нам как равные, и лишь тогда вы сможете понять нас; мы не лучше, чем вы, то, чем мы обладаем, есть и у вас. То, что дает нам наслаждение, может дать его и вам. Вам казалось, что может существовать лишь кто-то один, Высший Духом? Мы утверждаем, что людям, Высшим Духом, несть числа, что один не противостоит другому, как не противостоит другой чья-то пара глаз, — и что люди могут быть замечательными и великими, только осознавая заключенное в них величие. В чем, по вашему мнению, величие ураганов и опустошительных бурь, и самых кровопролитных битв, и разрушений, и бешенства стихий, и могущества моря, и движений природы, и пламени человеческих желаний, и достоинства, и ненависти, и любви? Величие — в том неопределимом, что есть в душе и что говорит: бушуй, кипи, — я повелеваю и здесь и повсюду, повелеваю судорогами неба и волнением моря, повелеваю природой, и страстью, и смертью. Повелеваю всем ужасом и всей болью.

Американских бардов будут отмечать за великодушные, страстность, поощрение своих соперников — они станут частью космоса — они не будут знать, что такое монопольное владение или сокрытие сделанного от других — они будут рады отдать все любому — они будут всегда жаждать появления равных себе. Они не будут оберегать свои богатства и привилегии. Они сосредоточат в себе эти богатства и привилегии — они узрят, кто богаче всех других. А всего богаче тот, кто может противопоставить зримой роскоши нечто не менее роскошное, почерпнув это из еще больших богатств, которые заключаются в нем самом. Американский

бард не будет воспевать только какой-то один класс людей либо только нескольких из этого класса, видя в них больше всего любви, истины, души, прекрасных физических качеств, — и не будет отдавать предпочтение восточным штатам перед западными и северным перед южными.

Достижения точных наук и их практическое использование для великого поэта не помеха, но источник вдохновения и бодрости. Здесь его отправной пункт и его воспоминания — здесь руки, которые первыми подняли его и крепче всего держали, — сюда вернется он после всех своих уходов и возвращений. Моряк и путешественник — анатом, химик, астроном, геолог, френолог, проповедник, математик, историк, лексикограф — все они не поэты, но они создатели законов, которыми руководствуется поэт, и их мыслью проникнута всякая совершенная поэма. Что бы ни обращало на себя внимание, что бы ни говорилось, они все одаряют живым семенем мысли — зримые проявления души — это следствие их труда, и они остаются при них, и раз нам нужны поэты, крепко стоящие на ногах, пусть они всегда будут отцами таких бардов. Если между отцом и сыном будут существовать любовь и согласие, если величие сына — новое проявление величия отца, то отношения между поэтом и человеком, посвятившим себя практической науке, будут отношениями любви. Если стихотворение красиво, значит оно включает в себе величавость науки и ее одобрение, ибо ей принадлежит последнее слово.

Вера в могущество знания, в возможность познать глубинные особенности качеств и вещей — великая вера. Рассечение и новое соединение, производимые наукой, овладевают и душой поэта, хотя всегда остаются господствующими сами по себе. Глубины безмерны и поэтому спокойны. Мы возвращаемся к невинности, к наготе — они не являются ни целомудренными, ни безнравственными. Все доктрины особенного и сверхъестественного, всё, что с ними было связано или выводилось из них, исчезает, как мимолетное видение. Что бы ни происходило — что ни происходит или будет происходить, все подчинено жизненным законам — они достаточны, чтобы дать объяснение любому событию и всем событиям, — объяснение, которое не будет ни поспешным, ни запоздалым, — чтобы объяснить любой необъяснимый поворот дела или склад характера, объяснить все, что не укладывается в обширную и ясную схему, где все движения души, и все ростки тра-

вы, и самые разнообразные физические и душевные качества мужчин и женщин, и все, что к ним относится, представлено как невыразимое и совершенное чудо; все связано одно с другим и всему отведено четко обозначенное собственное место. А реальность, в которой живет душа, не может допустить и того, чтобы в известной нам Вселенной существовало нечто более священное, чем люди, мужчины и женщины.

Мужчины, женщины, и земля, и все, что ни есть на земле, должны быть просто приняты такими, как они есть, а их прошлое, настоящее, будущее нужно постигать непрерывно — и обязательно с открытым сердцем. Вот основа философских построений; философия же всегда с нетерпением ждет поста, всегда погружена в созерцание от века присущего всему на земле устремления к счастью, которое неизменно согласуется с тем, что мы постигаем чувствами и душой. Ведь от века присущее всему на земле устремление к счастью — и есть то единственное, что говорит нам разумная философия. Все, что не достигает понимания этого закона, — все, что не достигает понимания законов света и движения планет, — не понимает законов, направляющих грабителя, лжеца, чревоугодника, пьяницу в этой жизни и, несомненно, в жизни будущей, — не понимает законов, которым подчинен бег времени на протяжении огромных эпох, и медленное затвердевание материи, и неспешное поднятие геологических пластов, — все, что не достигает понимания этого, не заслуживает интереса. Точно так же его не заслуживают те поэмы, те философские системы, в которых Бог фигурирует как оппонент иного бытия, иного влияния. Разумность и всеобщая гармоничность — вот что отличает великого мастера — когда испорчено что-то одно, испорчено все. Великий мастер не причастен ни к каким чудесам. Душевное здоровье он находит в том, что он один из массы, — когда же возвышается кто-то один, он видит в этом изменение всего рода. Совершенной форме приличествует самый обычный пьедестал. Подчиняться общему закону — великое благо, ибо это значит согласовываться с ним. Настоящий мастер знает, что он невыразимо велик и что все невыразимо велики, — что, например, нет ничего более великого, чем произвести на свет ребенка и хорошо его воспитать, — что существовать означает столь же бесконечно много, как прозревать и уметь выразить.

Для того чтобы появлялись великие мастера, совершенно необходима идея политической свободы. Повсюду, где живут мужчины и женщины, свобода находит верных своих приверженцев в героях — но никто не привержен к ней больше, никто не приветствует ее так пылко, как поэты. Они — голос свободы и ее непосредственное проявление. Веками именно они были и остаются достойными этой великой идеи — она им вверена, и они должны пронести ее. Нет на свете ничего, что было бы важнее ее, что могло бы извратить ее или принизить. Великие поэты — те, кто ободряет угнетенных и внушает ужас деспотам. Брошенный ими взор, звук их шагов, движение их сжимающейся в кулак руки вселяют трепет в одних, а в других — надежду. Побудьте хотя бы совсем недолго рядом с ними, и вы почерпнете для себя достойный американца урок, пусть они и не заговорят с вами, и не будут давать вам советов. Плохо служат свободе те, чей благородный порыв иссякает после неудачи, или еще одной неудачи, или любого числа неудач, после того, как они столкнутся с равнодушием или неблагодарностью толпы, с очевидным неудовольствием власть предержащих, с противодействием штыками, пушками или любыми судебными карами. Свобода полагается на самое себя, она никого не зовет на помощь и ничего не сулит; она пребывает в тишине и свете, она сосредоточена и уверена в себе, и ничто не внушит ей сомнений в ее силе. Бушует битва, громко звучит сигнал тревоги, продвижение вперед не раз сменяется отступлением — враг торжествует — тюрьмы, наручники, железные ошейники и кандалы, эшафот, гаррота, привязанные к ногам чугунные ядра делают свою работу — великое дело гложет — сильная грудь не выдерживает напора возмущенной крови — юноши, встречая друг друга, потупляют взгляд — что же, значит, свобода покинула такую страну? Нет, никогда. Когда на пир ждут свободу, она приходит не первой, не второй, не третьей — она приходит последней. Когда память о мучениках прошлого совсем увядает, — когда великие имена патриотов предают осмеянию ораторствующие в общественных собраниях, — когда сыновьям дают не имена героев, а имена тиранов и предателей, — когда законы свободных людей урезаются, а милыми вкусу народа становятся законы осведомителей и богачей, нажившихся на крови, — когда ты и я скитаемся по земле где-то далеко от дома и нас душит страдание при виде наших бесчисленных братьев, достойных, как и мы, такой дружбы равных,

достойных не называть господином кого бы то ни было, — и когда пылкая радость наполняет наши души при встрече с рабами, — когда душа удаляется в холодные пределы ночи и созерцает свой собственный опыт и ею овладевает высокий восторг при мысли о том слове, о том деянии, которые вернули беспомощное невинное создание в когти терзавших его или дали ему болезненно ощутить свою неполноценность, — когда в любом из наших штатов те, кто мог скорее других усвоить подлинно американский склад, никак не усвоил его, — когда толпы раболепствующих, паразитирующих, слабохарактерных, примазавшихся к политике, прибегающих к бесчестным уловкам, чтобы только проникнуть в городские муниципалитеты, в законодательные органы штата, в судейские коллегии, в конгресс, в круг сотрудников президента, когда все они заручаются любовью и искренней симпатией народа, независимо от того, удаются или не удаются им их планы, — когда считают, что лучше стать законченным болваном и жуликом, сидящим в конторе и получающим прекрасное жалованье, чем беднейшим из бедных, но свободным рабочим или фермером, чья рука не потянется стащить с головы шляпу, чей взгляд останется твердым, а сердце честным и щедрым, — и когда рабская покорность перед городом, или штатом, или федеральным правительством, или любой, большой или малой, силой угнетения не влечет за собой заслуженной кары, которую воздает себе сам ее носитель в точном соответствии с тем, насколько далеко он в своей покорности зашел, и без единого шанса уйти от этого наказания, — или, сказать точнее, когда вся жизнь, вся душа мужчин и женщин иссякают в каком-то уголке земли, — тогда, и только тогда, в этом уголке земли исчезнет прирожденное стремление к свободе.

Поэтов всего мироздания отличают прежде всего любовь к реальному в его материальном и духовном воплощении, страсть к наслаждению вещами, и как раз поэтому поэтическое творчество выше, чем всякая проза, — будь то правдивое повествование или вымысел. Когда поэт выражает свою личность, факты выступают так четко, точно они затоплены светом, — свет дня усиливается иным, неуловимым светом — и глубины, пролегли между закатом и восходом, оказываются во много раз более глубокими. Каждый точно обозначенный предмет, каждое состояние, или соединение, или процесс выказывают красоту: свою красоту —

столик с микроскопом, свою — древняя эпоха — и ремесло плотника — и искусство оперы — тяжело сидящий в воде законченной формы нью-йоркский клиппер, идущий под паром или под всеми парусами, блистает несравненной красотой — своя красота проявляется в американских избирательных округах и сложной гармонии правительственных органов — и у самых простых и определенных устремлений и поступков оказывается своя красота. Поэты мироздания через все промежуточное, через все скрывающие покровы, через хаотичность и обманывающие прикрытия пробиваются к первичным принципам. Они приносят пользу — они избавляют нищету от забот об удовлетворении потребностей и богатство — от самообольщения. Крупный собственник, говорят они, ты узнаешь и поймешь не больше, чем все другие. Владелец книжного собрания не тот, кто имеет на это собрание законные права, потому что приобрел его на свои средства. Владелец книжного собрания — каждый человек и все люди, постигающие всегда одно и то же, на каком бы языке ни была написана, какому бы предмету ни была посвящена и каким бы стилем ни отличалась книга, умеющие без затруднений усвоить прочитанное, и сделать усвоенное силой, на которой основываются, в которой находят для себя стимул их чувства отцовства и материнства, и почерпнуть из прочитанного силы, чтобы душа стала еще более тонкой, и крепкой, и богатой, и большой. Наши американские штаты, сильные, пышущие здоровьем, совершенные, не найдут для себя никакого удовлетворения, если будут нарушаться естественные пропорции, и не должны этого допускать. Будь то полотно, или статуи на зданиях, или изваяния из камня и дерева, или книжные и газетные иллюстрации, будь то книги — драматические или смешные, или ковры, расцвеченные узорами, или украшения на стенах, мебели, костюмах, на карнизах, скульптурных памятниках, на корме или на носу корабля, внутри помещения или вне его, всюду, где глаз видит искажения подлинных форм, встречает творения, каких не бывает на земле, описания мест или обстоятельств, не соответствующих реально существующим, — это вызывает раздражение и свидетельствует о гордыне. Особенно же это относится к форме человеческого тела — настолько великой, что она никогда не должна представлять смешной. В украшениях, дополняющих создание художника, недопустимо никакое излишество — можно допустить только украшения,

согласующиеся с совершенными творениями, которые мы видим под открытым небом, и естественно вытекающие из самой природы произведения, не могущие не возникнуть из нее и необходимые, чтобы сделать картину полной. Большой частью произведения наиболее прекрасны без всяких украшений — переизбыток отомстит за себя в физическом состоянии человека. Здоровые, полные сил дети рождаются только в таком обществе, где естественные формы изо дня в день служат для всех образцом. — Великий гений наших штатов, их народ никогда не должны в литературе унижаться до вымышленного. Как только будут хорошо рассказаны действительно происходившие в истории события, в вымышленном исчезнет всякая потребность.

Великих поэтов можно узнать и по тому, что они никогда не прибегают к ухищрениям и зовут к полной искренности. Вслед за ними призыв повторяют с новым воодушевлением, какому невелика цена, заурядные люди, и божественный голос, донесшийся до них, превращается в пустое эхо: «Ах, как прекрасна искренность!» Тому, кто искренен до предела, можно простить все прегрешения. Давайте же отныне условимся, что никто из нас не будет лгать, ибо мы убедились, что открытая душа подчиняет себе и внутренний, и внешний мир, и из этого правила нет ни одного исключения, — что с тех пор, как затвердела земля, ни разу обман, двуличие, криводушие хотя бы в чем-то самом малом, хотя бы каким-то самым слабым своим оттенком были привлекательны — и что среди всего многолюдия, при всей иерархии штата, или даже республики наших штатов лжец или коварный человек будут уличены и презираемы — и что душу ни разу еще не удалось и никогда не удастся обмануть — и что благоденствие, если оно не озарено одобрительной улыбкой души, есть всего лишь остывающая зола — и что ни на одном материке, ни на одной планете, или спутнике, или звезде, ни на одном астероиде, ни в одном уголке воздушного пространства, ни среди твердой массы земли, ни под струящейся массой моря, ни в том состоянии, в котором пребывают в чреве матери дети, ни в тех состояниях, через которые проходит на протяжении жизни человек, ни в том, наконец, которое ждет нас после того, что мы называем смертью, ни в ту минуту, когда мы бездействуем, ни в следующую, когда нами овладевает яростный порыв действовать, ни в процессе формирова-

ния, ни в процессе распада — нигде и никогда не было существа, которое от рождения бы питало нелюбовь к правде.

Исключительная предусмотрительность, или благоразумие, в высшей степени крепкое природное здоровье, твердая вера, и сострадание, и любовь к женщинам и детям, способность многое создавать и многое разрушать — и то и другое по побуждению души — и, кроме того, совершенное чувство единства природы и обоснованности поисков такого же единства в делах человеческих — вот что призывается к действию из нагромождения всего и вся в голове мира, чтобы стать свойствами великого поэта — великого с той минуты, как он явится на свет из чрева своей матери, с той, когда его мать явится из чрева своей. Предусмотрительность редко бывает достаточной. Считалось, что благоразумен тот, кто ставил перед собой твердые цели, обеспечивал себя и свою семью и завершал отпущенные ему дни, не имея на совести долгов и преступлений. Великий поэт понимает и принимает такой ход мысли, точно так же, как он принимает необходимость еды и сна, но у него благоразумие развито слишком высоко, чтобы он мог счесть, что существенно одарил кого-то, уделив тому несколько минут, проведенных за разговором у полуоткрытой двери. Залог благоразумия в жизни — не ее радушие, не ее зрелость, не ее плоды. Оставляя в стороне независимость, какую дают небольшая сумма денег, отложенная для похорон, да несколько досок для стен и черепков для крыши, чтобы склотить дом на принадлежащей тебе обширной американской земле, да тех без труда зарабатываемых денег, которые нужны, чтобы год кормиться и одеваться без излишеств, мы увидим, что унылое благоразумие, требующее принести такое великое творение, как человек, в жертву многолетней изнурительной погоне за деньгами с ее испепеляющими днями и ледяными ночами, с ее беззастенчивым жульничеством и тайными хитростями, с мелочностью сделок в гостиных, с бесстыдным набиванием кармана, пока другие голодают, — и со всеми ее утратами, когда цветение, запахи земли, и цветов, и воздуха, и моря, и настоящий вкус, который различал когда-то в юности и в годы зрелости во встреченных тобой или просто прошедших рядом мужчинах и женщинах, — все утрачено, когда к концу жизни начинаются болезни и отчаянный бунт, а простодушная искренность не приходит, и смерть отвратительно полязгивает косою, не давая тебе ощутить ни ясности, ни ве-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию «Листьев травы» <i>Перевод А. Зверева</i>	5
--	---

ЛИСТЬЯ ТРАВЫ

Посвящения

Одного я пою. <i>Перевод К. Чуковского</i>	33
Когда я размышлял в тиши. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	33
На кораблях в океане. <i>Перевод А. Старостина</i>	34
К другим странам. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	35
Историку. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	35
Тебе, старинное дело борьбы за свободу <i>Перевод А. Старостина</i>	36
Образы. <i>Перевод В. Лунина</i>	36
Для него я пою. <i>Перевод В. Лунина</i>	39
Читая книгу. <i>Перевод К. Чуковского</i>	40
Первый шаг в учебе. <i>Перевод О. Волгиной</i>	40
Неискушенные. <i>Перевод О. Волгиной</i>	40
Штатам. <i>Перевод И. Кашкина</i>	41
Путешествие через Штаты. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	41
Некой певичке. <i>Перевод К. Чуковского</i>	41
Я не доступен тревогам. <i>Перевод К. Чуковского</i>	42
Ученость. <i>Перевод В. Куприянова</i>	42
Отплывающий корабль. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	43
Слышу, поет Америка. <i>Перевод И. Кашкина</i>	43
Где осажденная крепость? <i>Перевод К. Чуковского</i>	44
Пусть безмятежен тот, кого я пою. <i>Перевод А. Сергеева</i>	44
Не закрывайте дверей. <i>Перевод К. Чуковского</i>	44
Поэтам, которые будут. <i>Перевод С. Маршака</i>	44

СОДЕРЖАНИЕ

Тебе. <i>Перевод К. Чуковского</i>	45
В тебе, читатель. <i>Перевод А. Сергеева</i>	45
Рожденный на Поманоке. <i>Перевод И. Куберского</i>	45
Песня о себе. <i>Перевод К. Чуковского</i>	58

Дети Адама

К саду мир. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	120
Запружены реки мои. <i>Перевод К. Чуковского</i>	120
О теле электрическом я пою. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	122
Женщина ждет меня. <i>Перевод В. Лунина</i>	129
Я сам по себе. <i>Перевод В. Куприянова</i>	131
Час безумству и счастью. <i>Перевод К. Чуковского</i>	133
Из бурлящего океана толпы. <i>Перевод К. Чуковского</i>	134
Века проходят, а я возвращаюсь. <i>Перевод Э. Шустера</i>	135
Мы двое, как долго мы были обмануты. <i>Перевод К. Чуковского</i> ...	135
О Гименей! Гименей! <i>Перевод О. Волгиной</i>	136
Я — тот, кто жаждет любви. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	136
Мгновения естества. <i>Перевод И. Куберского</i>	136
Однажды, когда я проходил городом. <i>Перевод К. Чуковского</i>	137
Я слышал вас, торжественно-нежные трубы органа <i>Перевод К. Чуковского</i>	137
Обернувшись к западу с берегов Калифорнии <i>Перевод О. Волгиной</i>	138
Когда я, как Адам. <i>Перевод К. Чуковского</i>	138

Аир благовонный

На дорогах нехоженых. <i>Перевод А. Сергеева</i>	139
О душистая луговина моей груди. <i>Перевод А. Сергеева</i>	140
Кто бы ты ни был, держащий меня в руках. <i>Перевод А. Сергеева</i> ..	141
Для тебя, Демократия. <i>Перевод К. Чуковского</i>	143
Эти песни пою я весной. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	143
Не в содроганиях моей худой груди. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	144
Страшно сомненье во всем. <i>Перевод К. Чуковского</i>	145
Суть всей метафизики. <i>Перевод А. Сергеева</i>	146
Летописцы будущих веков. <i>Перевод К. Чуковского</i>	147

СОДЕРЖАНИЕ

Когда я услышал к концу дня. <i>Перевод К. Чуковского</i>	147
Вы и есть это новое существо, увлеченное мной? <i>Перевод О. Волгиной</i>	148
Корни и листья сами всегда одиноки. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	148
Ни зной, жгучий и иссушающий. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	149
Падайте, капли. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	149
Город разгула. <i>Перевод В. Куприянова</i>	150
Что за смуглое лицо. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	150
Я видел дуб в Луизиане. <i>Перевод К. Чуковского</i>	151
Незнакомому. <i>Перевод К. Чуковского</i>	151
В тоске и в раздумье. <i>Перевод К. Чуковского</i>	152
Я слышу — мне вменяют в вину. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	152
Пограничная трава прерии. <i>Перевод В. Куприянова</i>	153
Когда я читаю о горделивой славе. <i>Перевод Н. Банникова</i>	153
Мы — мальчишки. <i>Перевод К. Чуковского</i>	153
Калифорнии обещаю. <i>Перевод О. Волгиной</i>	154
В этих тончайших листах моих. <i>Перевод О. Волгиной</i>	154
Нет на моем счету. <i>Перевод Н. Банникова</i>	154
Взгляд. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	155
Стихотворение для взявшихся за руки. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	155
Земля, мое подобие. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	155
Приснился мне город. <i>Перевод К. Чуковского</i>	156
Ради чего, вы думаете, я берусь за перо? <i>Перевод И. Кашкина</i>	156
И Восток, и Запад. <i>Перевод В. Куприянова</i>	156
Если кого я люблю. <i>Перевод К. Чуковского</i>	157
К мальчику с Запада. <i>Перевод О. Волгиной</i>	157
О Любовь быстротечная, вечная. <i>Перевод В. Куприянова</i>	157
Среди множества. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	157
Ты, за кем, бессловесный. <i>Перевод К. Чуковского</i>	158
Эта тень, мое подобие. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	158
Сейчас, полный жизни. <i>Перевод А. Старостина</i>	158
 Salut au Monde! <i>Перевод М. Зенкевича и Н. Банникова</i>	 159
Песня большой дороги. <i>Перевод К. Чуковского</i>	169
На бруклинском перевозе. <i>Перевод В. Левика</i>	179
Песня Отвечателя. <i>Перевод А. Сергеева</i>	186
Наша старая листва. <i>Перевод А. Сергеева</i>	190

СОДЕРЖАНИЕ

Песня радостей. <i>Перевод К. Чуковского</i>	195
Песня о топоре. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	202
Песня о выставке. <i>Перевод Э. Шустера</i>	212
Песня Секвойи. <i>Перевод А. Сергеева</i>	223
Песня разных профессий. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	227
Песня вращающейся Земли. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	234
Молодость, день, старость и ночь. <i>Перевод Н. Банникова</i>	240

Перелетные птицы

Всемирная песня. <i>Перевод А. Сергеева</i>	241
Пионеры! о пионеры! <i>Перевод К. Чуковского</i>	243
Тебе. <i>Перевод К. Чуковского</i>	247
Франция (18-й год наших Штатов). <i>Перевод И. Кашкина</i>	249
Я и подобные мне. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	250
Год метеоров. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	252
Вместе с предшественниками. <i>Перевод А. Сергеева</i>	253
Процессия на Бродвее. <i>Перевод А. Сергеева</i>	255

Морские течения

Из колыбели, вечно баюкавшей. <i>Перевод В. Левика</i>	260
Когда жизнь моя убывала вместе с океанским отливом <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	266
Слезы. <i>Перевод К. Чуковского</i>	269
Птице фрегату. <i>Перевод Н. Банникова</i>	270
Молодой рулевой у штурвала. <i>Перевод А. Старостина</i>	270
Ночью на морском берегу. <i>Перевод К. Чуковского</i>	271
Мир под морской водой. <i>Перевод К. Чуковского</i>	272
Песня всех морей и всех кораблей. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	273
Ночной патруль. <i>Перевод В. Лунина</i>	274
За морским кораблем. <i>Перевод В. Лунина</i>	275
Ночью у моря один. <i>Перевод А. Сергеева</i>	275

У дороги

Бостонская баллада. <i>Перевод В. Левика</i>	277
Европа (72-й и 73-й годы этих Штатов). <i>Перевод К. Чуковского</i> ..	279

СОДЕРЖАНИЕ

Ручное зеркало. <i>Перевод К. Чуковского</i>	280
Боги. <i>Перевод А. Сергеева</i>	281
Начала. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	282
Мысли. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	282
Когда я слушал ученого-астронома. <i>Перевод К. Чуковского</i>	283
Совершенства. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	283
О я! О жизнь! <i>Перевод А. Сергеева</i>	283
Одному из президентов. <i>Перевод С. Маршака</i>	284
Я сижу и смотрю. <i>Перевод В. Левика</i>	284
Щедрым даятелям. <i>Перевод К. Чуковского</i>	285
Любовная ласка орлов. <i>Перевод К. Чуковского</i>	285
Мысленно странствуя. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	285
Деревенская картина. <i>Перевод К. Чуковского</i>	286
Изумление ребенка. <i>Перевод К. Чуковского</i>	286
Бегун. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	286
Красивые женщины. <i>Перевод К. Чуковского</i>	286
Мать и дитя. <i>Перевод А. Сергеева</i>	286
Мысль («О покорности...»). <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	287
Под маской. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	287
Мысль («О правосудии...»). <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	287
Летающий над всем. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	287
Не было ли в твоей жизни часа. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	287
Мысль («О равенстве...»). <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	288
К старости. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	288
Время и место. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	288
Приношения. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	288
Нашим Штатам. <i>Перевод И. Кашкина</i>	289

Барабанный бой

О песни, сперва, для начала. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	290
1861. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	292
Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби! <i>Перевод К. Чуковского</i>	293
От Поманока начинаю полет, словно птица <i>Перевод И. Куберского</i>	294
Песня знамени на утренней заре. <i>Перевод К. Чуковского</i>	294

СОДЕРЖАНИЕ

Поднимайтесь, о дни, из бездонных глубин <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	301
Виргиния — Запад. <i>Перевод В. Куприянова</i>	303
Город кораблей. <i>Перевод А. Сергеева</i>	303
История столетнего долгожителя. <i>Перевод И. Куберского</i>	304
Конница, идущая через брод. <i>Перевод О. Волгиной</i>	309
Лагерь на склоне горы. <i>Перевод О. Волгиной</i>	309
Армейский корпус на марше. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	310
Возле походного мерцающего огня. <i>Перевод О. Волгиной</i>	310
Иди с поля, отец. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	311
Странную стражу я нес в поле однажды ночью <i>Перевод И. Кашкина</i>	312
Сомкнутым строем мы шли. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	313
Лагерь на рассвете, седом и туманном. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	314
Когда я скитался в Виргинских лесах. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	315
Как штурман. <i>Перевод К. Чуковского</i>	315
Год, что, кружась, трепетал предо мной. <i>Перевод И. Куберского</i> ..	316
Врачеватель ран. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	316
Долго, слишком долго, Америка. <i>Перевод А. Сергеева</i>	318
Дай мне великолепное безмолвное солнце <i>Перевод Н. Банникова</i>	319
Плач по двум ветеранам. <i>Перевод И. Куберского</i>	321
Над бойней звучал пророческий голос. <i>Перевод И. Куберского</i> ..	322
Я видел старого генерала на бастионе. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i> ..	323
Видение артиллериста. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	323
Эфиопия салютует знаменам. <i>Перевод С. Таска</i>	325
Не молодость подобает мне. <i>Перевод А. Сергеева</i>	325
Поколение ветеранов. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	326
Мир, присмотрись получше. <i>Перевод И. Куберского</i>	326
Ты, загорелый мальчишка из прерий. <i>Перевод К. Чуковского</i>	326
Луна пречистая. <i>Перевод С. Таска</i>	326
Перемирие. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	327
До чего торжественно, когда один за одним... <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	327
Положив голову на колени твои, камерадо <i>Перевод И. Куберского</i>	328

СОДЕРЖАНИЕ

Нежные гроздья. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	328
Одному штатскому. <i>Перевод К. Чуковского</i>	329
Гляньте-ка — Победительница на вершинах гор <i>Перевод И. Куберского</i>	329
Дух, чей труд завершен. <i>Перевод И. Куберского</i>	330
Прощальное слово солдату. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	330
Повернись к нам, о Либертад. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	331
На перепаханную войной землю пришли они <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	332

Памяти президента Линкольна

Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень <i>Перевод К. Чуковского</i>	333
О Капитан, мой Капитан! <i>Перевод Г. Кружкова</i>	342
Сегодня пусть воцарится тишина в лагерях <i>Перевод И. Куберского</i>	342
Этот прах прежде был человеком. <i>Перевод И. Куберского</i>	343
На берегу голубого Онтарио. <i>Перевод А. Кистяковского</i>	343
Перестановка. <i>Перевод О. Волгиной</i>	359

Осенние ручьи

Как следствие и т. д. <i>Перевод С. Таска</i>	360
Возращение героев. <i>Перевод Э. Шустера</i>	361
Был ребенок, и он рос с каждым днем. <i>Перевод И. Кашкина</i>	367
Старая Ирландия. <i>Перевод А. Сергеева</i>	368
Городская мертвецкая. <i>Перевод К. Чуковского</i>	369
Этот перегонной. <i>Перевод К. Чуковского</i>	370
Европейскому революционеру, который потерпел поражение <i>Перевод К. Чуковского</i>	372
Безымянные страны. <i>Перевод А. Сергеева</i>	373
Песня о благоразумии. <i>Перевод А. Сергеева</i>	375
Песня в узилище. <i>Перевод В. Топорова</i>	378
Птичьим щебетом грянь. <i>Перевод Н. Банникова</i>	380
Несколько строк над могилой. <i>Перевод Э. Шустера</i>	381
Из-под маски. <i>Перевод Н. Стрижевской</i>	383
Музыкальность. <i>Перевод К. Чуковского</i>	384

СОДЕРЖАНИЕ

Тому, кто был распят. <i>Перевод В. Лунина</i>	385
Вы, преступники, судимые в судах. <i>Перевод К. Чуковского</i>	386
Законы творения. <i>Перевод А. Сергеева</i>	386
Уличной проститутке. <i>Перевод К. Чуковского</i>	387
Я долго искал. <i>Перевод И. Куберского</i>	387
Мысль («Я думал о тех...»). <i>Перевод И. Куберского</i>	388
Чудеса. <i>Перевод И. Кашкина</i>	388
Искры из-под ножа. <i>Перевод Н. Банникова</i>	389
Ученику. <i>Перевод И. Куберского</i>	390
Созданный созидательной силой. <i>Перевод В. Лунина</i>	391
Что же я такое, в конце концов. <i>Перевод В. Лунина</i>	391
Космос. <i>Перевод В. Лунина</i>	392
Другие могут хвалить что угодно. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	392
Кто усвоит мои уроки сполна? <i>Перевод А. Сергеева</i>	393
Мерила. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	394
Факел. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	394
О Франции звезда! <i>Перевод И. Кашкина</i>	394
Укротитель быков. <i>Перевод Н. Банникова</i>	396
Старик размышляет о школе. <i>Перевод И. Куберского</i>	397
Странствуя утром. <i>Перевод А. Старостина</i>	398
Итальянская музыка в Дакоте. <i>Перевод В. Лунина</i>	399
Имея такие дары. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	399
Моя картинная галерея. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	400
Раскинувшиеся в прериях штаты. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	400
Гордая музыка бури. <i>Перевод В. Левика</i>	401
Отправимся в Индию. <i>Перевод В. Лунина</i>	407
Моление Колумба. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	417
Спящие. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	420
Преобразования. <i>Перевод О. Волгиной</i>	428
Размышляя о времени. <i>Перевод И. Куберского</i>	428

Шепот божественной смерти

О отважнейшая душа моя. <i>Перевод В. Лунина</i>	435
Шепот божественной смерти. <i>Перевод В. Левика</i>	435
Воспевая божественный квадрат. <i>Перевод Э. Шустера</i>	436

СОДЕРЖАНИЕ

Его я люблю днем и ночью. <i>Перевод В. Лунина</i>	438
И все же, и все же, часы печали. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	439
Если бы дух ласкал меня. <i>Перевод В. Лунина</i>	440
Доводы. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	440
Годы — зыбучий песок. <i>Перевод В. Британишского</i>	441
Эту музыку я слышу всегда. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	441
Что за корабль заблудился в море. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	442
Тихий паук. <i>Перевод В. Куприянова</i>	442
О, живущий всегда, всегда умирающий. <i>Перевод Н. Булгаковой</i> ...	443
Тому, кто скоро умрет. <i>Перевод К. Чуковского</i>	443
Ночь над прерией. <i>Перевод А. Сергеева</i>	444
Мысль («Когда среди других...»). <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	444
Последняя мольба. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	445
Когда я вижу пахаря пашущего... <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	446
Задумчивый и неуверенный. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	446
О Матерь, и твои, о Матерь, чада. <i>Перевод В. Топорова</i>	446
На Поманоке. <i>Перевод Н. Банникова</i>	453

От полудня до звездной ночи

Ослепительный шар над миром. <i>Перевод В. Топорова</i>	454
Лики. <i>Перевод Э. Шустера</i>	455
Таинственный трубач. <i>Перевод В. Левика</i>	459
Локомотив зимой. <i>Перевод И. Кашкина</i>	462
О Юг! О магнит! <i>Перевод Н. Банникова</i>	463
Маннахатта. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	465
Всё есть истина. <i>Перевод В. Британишского</i>	466
Песня загадки. <i>Перевод А. Сергеева</i>	467
Excelsior. <i>Перевод О. Волгиной</i>	468
Бедность, страх, горечь уступок. <i>Перевод И. Кашкина</i>	469
Мысли. <i>Перевод И. Кашкина</i>	470
Провозвестники. <i>Перевод В. Британишского</i>	470
Тки, труженица-жизнь. <i>Перевод В. Британишского</i>	471
Испания, 1873—1874. <i>Перевод К. Чуковского</i>	471
На берегах широкого Потомака. <i>Перевод И. Кашкина</i>	472
Из каньонов далекой Дакоты. <i>Перевод В. Топорова</i>	472

СОДЕРЖАНИЕ

Сны о прошедшей войне. <i>Перевод В. Британишского</i>	474
Флаг, окропленный щедро. <i>Перевод В. Британишского</i>	474
То лучшее, что вижу я в тебе. <i>Перевод В. Британишского</i>	475
Дух — зодчий этих форм. <i>Перевод В. Британишского</i>	475
Когда я гуляю в эти просторные волшебные дни <i>Перевод И. Куберского</i>	476
Ясная полночь. <i>Перевод А. Старостина</i>	477

Песни расставаний

Все ближе время. <i>Перевод В. Британишского</i>	478
Годы современности. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	478
Прах солдат. <i>Перевод А. Сергеева</i>	480
Думы. <i>Перевод С. Таска</i>	481
Песня на закате. <i>Перевод И. Куберского</i>	483
Поскольку и в моих воротах сегодня смерть <i>Перевод В. Британишского</i>	486
Мое завещание. <i>Перевод К. Чуковского</i>	486
Печально глядя на мертвых. <i>Перевод Э. Шустера</i>	487
Зеленые палатки. <i>Перевод А. Сергеева</i>	488
Плач колоколов. <i>Перевод И. Куберского</i>	489
Когда на исходе. <i>Перевод И. Куберского</i>	489
Радуйся, спутник, радуйся! <i>Перевод И. Куберского</i>	489
Желанья потаенные. <i>Перевод И. Куберского</i>	490
Врата. <i>Перевод И. Куберского</i>	490
Эти песни. <i>Перевод И. Куберского</i>	490
Пора прощаться и с берегом. <i>Перевод О. Волгиной</i>	490
До свиданья! <i>Перевод Э. Шустера</i>	491

Приложение первое

Дни семидесятилетия

Маннахатта. <i>Перевод О. Волгиной</i>	495
Поманок. <i>Перевод О. Волгиной</i>	495
С мыса Монтаук. <i>Перевод И. Кашкина</i>	495
Тем, кто потерпел поражение. <i>Перевод А. Старостина</i>	496
Песнь на исходе шестьдесят девятого года <i>Перевод И. Куберского</i>	496

СОДЕРЖАНИЕ

Самые храбрые солдаты. <i>Перевод И. Куберского</i>	496
Шриффт для набора. <i>Перевод И. Куберского</i>	497
Дряхлый, больной, я сижу и пишу. <i>Перевод К. Чуковского</i>	497
Моя канарейка. <i>Перевод О. Волгиной</i>	497
Вопрошая семидесятый свой год. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	497
Уолэбаутские мученики. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	498
Первый одуванчик. <i>Перевод К. Чуковского</i>	498
Америка. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	499
Воспоминания. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	499
Тебе и сейчас. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	499
Когда кончается ослепительность дня. <i>Перевод К. Чуковского</i>	499
Авраам Линкольн, род. 12 февраля 1809 г. <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	500
Из майских зрелищ. <i>Перевод А. Старостина</i>	500
Благостные дни в мирном раздумье. <i>Перевод И. Кашкина</i>	500
Зарисовки на Нейвсинке. <i>Перевод А. Сергеева</i>	501
День выборов. <i>Ноябрь 1884. Перевод В. Топорова</i>	504
О глухой, грубый голос мятежного моря! <i>Перевод И. Кашкина</i>	505
Смерть генерала Гранта. <i>Перевод И. Куберского</i>	505
Красная Куртка. <i>Перевод И. Куберского</i>	506
Памятник Вашингтону. <i>Перевод И. Куберского</i>	506
Твою звонкогорлую песнь. <i>Перевод Н. Банникова</i>	507
Бродвей. <i>Перевод И. Куберского</i>	508
Постичь конечный импульс песен. <i>Перевод И. Куберского</i>	508
Старый моряк Коссабон. <i>Перевод В. Топорова</i>	509
Мертвый тенор. <i>Перевод Э. Шустера</i>	509
Непрерывность. <i>Перевод Э. Шустера</i>	510
Йоннондио. <i>Перевод И. Куберского</i>	511
Жизнь. <i>Перевод Э. Шустера</i>	511
...куда-то движутся. <i>Перевод Э. Шустера</i>	512
Маленькая тема моей песни. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	512
Истинные победители. <i>Перевод Н. Банникова</i>	513
Соединенные Штаты — критикам Старого Света <i>Перевод Д. Сильвестрова</i>	513
Спокойные размышления обо всем. <i>Перевод Э. Шустера</i>	513
Стариковское спасибо. <i>Перевод К. Чуковского</i>	514

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь и смерть. <i>Перевод Э. Шустера</i>	514
Голос дождя. <i>Перевод Э. Шустера</i>	515
Скоро будет побеждена зима. <i>Перевод А. Старостина</i>	515
Пока еще помня прошедшее. <i>Перевод О. Волгиной</i>	516
Умирающий ветеран. <i>Перевод В. Топорова</i>	516
Лучшие уроки. <i>Перевод К. Чуковского</i>	517
Закат в прериях. <i>Перевод Э. Шустера</i>	517
Двадцать лет. <i>Перевод О. Волгиной</i>	517
Ветвь апельсинового дерева из Флориды почтой <i>Перевод Э. Шустера</i>	518
Сумерки. <i>Перевод А. Старостина</i>	518
Вы, сохранившиеся редкие листья мои. <i>Перевод И. Куберского</i> ...	519
Не только сухие сучья с невидимой жизнью <i>Перевод А. Старостина</i>	519
На смерть императора. <i>Перевод С. Таска</i>	519
Как сигнальный огонь. <i>Перевод И. Куберского</i>	520
Без мачт и парусов. <i>Перевод Н. Банникова</i>	520
Я с песнями прощаюсь. <i>Перевод С. Таска</i>	520
Вечернее затишье. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	521
Сияющие горные вершины старости. <i>Перевод В. Топорова</i>	521
После ужина и беседы. <i>Перевод Н. Банникова</i>	522

Приложение второе Прощай, мое Вдохновенье!

Отчаливай, корабль-призрак. <i>Перевод С. Таска</i>	523
Медленные последние капли. <i>Перевод О. Волгиной</i>	523
Прощай, мое Вдохновенье. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	523
Вперед, вперед, все та же веселая пара! <i>Перевод Н. Булгаковой</i> ...	524
Мой семьдесят первый год. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	524
Видения. <i>Перевод С. Таска</i>	525
Поблекший венок. <i>Перевод О. Волгиной</i>	525
День завершен. <i>Перевод С. Таска</i>	525
Шлюп старости и смерти шлюп коварный. <i>Перевод С. Таска</i>	526
Еще не завершенному году. <i>Перевод С. Таска</i>	526
Шекспир и Бэкон — их значенье. <i>Перевод С. Таска</i>	526
Много, много времени спустя. <i>Перевод А. Старостина</i>	527

СОДЕРЖАНИЕ

Браво, Парижская выставка! <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	527
Ворвавшиеся звуки. <i>Перевод С. Таска</i>	527
К ветру на заходе солнца. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	528
Старые песни. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	529
Рождественское поздравление. <i>Перевод И. Куберского</i>	530
Звуки зимы. <i>Перевод О. Волгиной</i>	530
Песня сумерек. <i>Перевод В. Куприянова</i>	531
Когда появился поэт в расцвете сил. <i>Перевод А. Старостина</i>	531
Осцеола. <i>Перевод К. Чуковского</i>	532
Голос Смерти. <i>Перевод В. Куприянова</i>	533
Урок перса. <i>Перевод В. Куприянова</i>	534
Проза будней. <i>Перевод С. Таска</i>	535
Полный перечень всего, на что Господня воля. <i>Перевод С. Таска</i> ..	535
Миражи. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	536
Смысл «Листьев травы». <i>Перевод А. Сергеева</i>	537
Невысказанное. <i>Перевод О. Волгиной</i>	537
Необъятно зримое. <i>Перевод В. Куприянова</i>	538
Невидимые всходы. <i>Перевод В. Куприянова</i>	538
Прощай, мое Вдохновенье! <i>Перевод Н. Банникова</i>	539

Из стихотворений, не включенных в последнее прижизненное издание «Листьев травы»

Нет, не говори мне сегодня о печатном позоре <i>Перевод И. Кашкина</i>	540
Отвечайте! <i>Перевод К. Чуковского</i>	541